
А. Б. ГЛЮЗМАН

НАУКА И ПРОИЗВОДСТВО В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ФИЛОСОФОВ 60–80-х гг. XX СТОЛЕТИЯ

В статье излагаются дискуссии в советской философии, посвященные философским проблемам науки и техники. Речь идет прежде всего о превращении науки в производительную силу.

Ключевые слова: наука, производство, техника, НТР, производительная сила, всеобщее общественное знание, механика, автоматика.

Бурное развитие научно-технического прогресса в середине прошлого столетия поставило на повестке дня вопрос о соотношении науки, техники и производства. В концепции НТР, разработанной в тот период, был обоснован ряд обобщений, объективно отражавших ее характерные признаки, высказано немало продуктивных идей, в том числе о решающей роли науки в качественном преобразовании производительных сил.

Вместе с тем в вопросе о науке были допущены некоторые суждения, вызывающие сомнения в адекватном отражении ее нового статуса, места в системе производства и в целом – гипертрофированно представляющие ее социальное предназначение. Такого, в частности, положение о превращении науки в так называемую «непосредственную производительную силу».

В теории НТР данному положению отводится одно из центральных мест. С ним нередко связывают саму сущность научно-технических преобразований¹ и «новую роль» науки в современном мире. Появилась даже аббревиатура – НПС – и множество «доказательств» того, что якобы первоначально оно было выдвинуто и обосновано К. Марксом.

Возвращение к данной проблеме обусловлено теперь уже, разумеется, не борьбой за «чистоту» идей К. Маркса – такая поста-

---

¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С. 397.

новка вопроса утратила актуальность. Но существует истина, и она должна быть отражена, тем более что выводы, к которым пришли и на которых «успокоились» исследователи, вызывают решительное неприятие.

В 60–80-е гг. в стране не было ни одной научной публикации (монографии, статьи, обзора, тезисов), посвященной взаимосвязи науки, техники и производства, где бы ни упоминалось положение о превращении науки в НПС². Безоговорочно принятое в тот период, оно и теперь, в наше время, механически повторяется, выступая как аксиоматический постулат. Стереотип видения проблемы, несмотря на заявления о решительном преодолении старой научной парадигмы, у многих остается прежним.

Так, автор одной из глав учебника «Философия», выдержавшего ряд изданий на рубеже XX–XXI вв., известный отечественный философ В. Е. Давидович решительно утверждает: «...наука является в полном смысле слова непосредственной производительной силой»³. Аналогичные суждения (или просто машинальное повторение стереотипа) имеются и в публикациях последних лет⁴.

Обретение наукой нового статуса, согласно сторонникам данной позиции, не означает того, что прежде наука развивалась как бы «сама по себе», без «оглядки» на технику, что влияние ее на производственный процесс осуществлялось спонтанно, эпизодически, а теперь – целенаправленно и последовательно. Утверждается другое: трансформация структуры производительных сил привела-де к появлению в них такого элемента (науки), который *непосредственно*, по аналогии с человеком (не в переносном, а в прямом смысле слова) превращается в производительную (то есть производящую материальные ценности) силу. Наука как будто начинает

² См., например: Научно-техническая революция и общество. – М., 1973. – С. 172; Научно-техническая революция и социализм. – М., 1973. – С. 255; Стрюковский В. И. История и логика развития научно-технической деятельности. – М., 1985. – С. 107; Араб-Оглы Э. А. Обозримое будущее. Социальные последствия НТР: год 2000. – М., 1986. – С. 30; Самарин В. В. Техника и общество. – М., 1988. – С. 106 и др.

³ Философия: учебник для высших учебных заведений. – Ростов н/Д., 1998. – С. 594.

⁴ См., например: Материалы Третьего Российского философского конгресса (16–20 сентября 2002 г.): в 3 т. – Ростов н/Д., 2002. – Т. 1. – С. 223; Родчанин Е. Г. Философия для технических вузов. – Ростов н/Д., 2004. – С. 347; Попкова Н. В. Техногенное развитие и техносферизация планеты. – М., 2004. – С. 141; Голубинцев В. О., Данцев А. А., Любченко В. С. Философия для технических вузов. – Ростов н/Д., 2006. – С. 350, 352; Философия: история и теория: уч. пособ. для студентов технических вузов. – М.: Янус-К, 2011. – С. 55; Тищенко П. Д. Человек-машина: перечитывая Карла Маркса // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека. – М., 2012. – С. 399 и др.

выполнять ту функцию, которую прежде выполнял сам человек – занятый в производственном акте работник, и вытеснение его как одного структурного элемента производительных сил сопровождается наступлением науки как другого, функционально *адекватного* ему структурного элемента: «По мере вытеснения рабочей силы человека из непосредственного производственного процесса, в производство как *непосредственная производительная сила*... включается гораздо более мощный фактор – *наука*»⁵, – отмечалось в одной из монографий.

Большинство исследователей не смущает то обстоятельство, что наука – это совокупность знаний, и уже в силу этого «непосредственно» ничего производить не может, – реальный производственный процесс требует *реальных* физических действий. Наука же, будучи идеальным, не может одновременно выступать и как материальное, физическое. Если же идеальное материализовалось, то оно уже не идеальное, а то, *во что* оно материализовалось; наука, конечно, здесь присутствует, но... не в непосредственном, а в опосредованном виде. Для превращения науки в производительную (и даже просто в производственную, что более широко) силу необходима материализация, овеществление, опредмечивание, что осуществляется (если речь идет о производственном процессе) путем создания соответствующих орудий. Но понятно, что производственные орудия – это уже не идеальное...

Можно было бы назвать науку и непосредственной производительной силой, не упуская из виду образный характер утверждения. Возможно, многими оно так и воспринимается. Однако в исследованиях данное утверждение приобрело *концептуальный* характер, аналитики придают ему *абсолютный* смысл, *буквалистски* обосновывая защищаемый тезис. В самом сочетании «наука как непосредственная производительная сила» авторы пытаются выявить некое «скрытое», «эзотерическое» содержание и изошряются в его выявлении.

Более того, утверждается, что не только техническая и естественная, но и гуманитарная наука, если не сейчас, то в перспективе непременно превратится в *непосредственную (!) производительную (!) силу*. Общественные науки (инженерная психология, экономическая статистика, конкретная экономика и др.) могут «непо-

---

⁵ Научно-техническая революция и социализм. – С. 75.

средственно включаться в производственный процесс», ибо «касаются человека как производительной силы или вопросов организации производства»⁶.

В подавляющем большинстве обоснований фактически отражается *опосредованный* характер вхождения науки в производство. На словах она объявляется силой «непосредственной», но приводимая аргументация *всегда* (!) обнаруживает ее материализацию, то есть превращение в нечто другое (вещественное и личностное), и уже это «другое» выступает производительной силой в *непосредственном* виде⁷.

Ряд исследователей, осознавая, что непосредственное не может одновременно быть опосредованным, пытаются показать, что «непосредственность» науки как производительной силы выражается вовсе не в ее овеществлении; овеществление, материализация – этого недостаточно, наука превращается в непосредственную производительную силу как *духовное* (!) явление. «В качестве непосредственной производительной силы наука выступает лишь как духовное явление, именно как человеческая сущностная сила, сила его интеллекта», – утверждается в пятитомнике «Материалистическая диалектика»⁸. Авторы проводят аналогию с философией, которая прежде только объясняла мир, а теперь преобразовывает его. «Этот переход (от объясняющей функции к преобразующей. – А. Г.) и есть процесс превращения науки в непосредственную производительную силу»⁹. Он совершается путем восхождения от фундаментальных исследований к прикладным и завершается в конкретных разработках. «На стадии разработок наука и выполняет в конечном счете функцию непосредственной производительной силы»¹⁰. Однако призванное защитить искомый тезис данное доказательство фактически опровергает его: получается, что миссия науки в качестве НПС завершается еще до начала производственного процес-

⁶ Человек – наука – техника. Опыт марксистского анализа научно-технической революции. – М., 1973. – С. 75; Росенко М. Н. Роль общественных наук в научно-техническом прогрессе // Источники и движущие силы научно-технического прогресса. – Л., 1978. – С. 138–139.

⁷ См., например: Современная научно-техническая революция. – М., 1967; Вопросы истории естествознания и техники. – Вып. 25. – М., 1968; Мелешенко Ю. С., Шухардин С. В. Ленин и научно-технический прогресс. – Л., 1969; Процесс превращения науки в непосредственную производительную силу. – М., 1971; Майзель И. А. Наука, автоматизация, общество. – Л., 1972; Научно-техническая революция и общество. – М., 1973 и др.

⁸ Материалистическая диалектика: в 5 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 294–295.

⁹ Там же. – С. 295.

¹⁰ Там же. – С. 295.

са – на стадии разработок, это не производственный, а *пред*производственный этап. Но главное – этот «аргумент» ничего не меняет: и прикладные исследования, и разработки, как и прежде, в «донаучный» период, *непосредственно* реализуются не «абстрактным» феноменом («наукой»), а живыми людьми.

«Превращают» науку в НПС и так называемые «информационные» теории. Они исходят из того, что в процессе материального производства люди используют идеальную информацию, знания, что, собственно, и обеспечивает объективную возможность включения науки в производительные силы. «Информационные функции... представляют собой один из главных каналов, по которому наука включается в материальное производство»¹¹.

Однако после изложения сложных и довольно пространных «информационных» доказательств авторы приходят все к тому же выводу: наука становится непосредственной производительной силой постольку, «поскольку ее достижения в *технически овецествленном* (выделено мною. – А. Г.) виде включаются в самый процесс производства»¹².

Подвергая критике подобные обоснования, свое решение проблемы предлагает А. Д. Урсул. Он делит историю развития науки на два этапа. На первом этапе она выступает просто производительной силой, а на втором – непосредственной производительной силой. Что же происходит на втором этапе? В ходе движения информации от науки к производству происходят ее передача и перекодирование, в результате чего в предметах и средствах труда осуществляются «изменения в их структуре»; также меняется и «тезаурус приемника информации» – запас знаний людей. Вот эти-то изменения и превращают, по А. Д. Урсулу, науку в НПС. Кроме того, «система “наука – производство” рассматривается им как система управления с обратной связью», где наука является управляющей, а производство («точнее, производительные силы») – управляемой системой. «Обмен информацией между этими системами осуществляется путем выполнения наукой (? – А. Г.) управленческих функций – регулирования и контроля, организации производства, прогнозирования и планирования, учета и нормирования и, наконец, производства и аналитико-синтетической переработки новой информации»¹³.

¹¹ Человек – наука – техника. – С. 74.

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 245–261.

Очевидно, однако, что функции, отнесенные автором на счет «науки», выполняются вовсе не ею – может ли обезличенный, неосознаваемый «субъект» вне своего материального носителя (предметного или личностного) выступать в роли организатора производства, а тем более – его аналитика? «Наука» – это *человек*, который либо непосредственно, либо опосредованно, через созданные им устройства, реализует интеллектуальные, в том числе управленческие, операции. Регулирование технологического процесса, контроль работы технических систем, учет, нормирование и др. – все это в современных условиях осуществляет *автоматизированное оборудование*, анализ же производства, как и прежде, – «живой» человек.

Доказательством «превращения» науки в НПС служит порой и расширительное толкование структуры производительных сил. Наряду с двумя известными составляющими – рабочей силой и средствами производства – в данную структуру включают кооперацию, разделение труда, технологию, собственно науку, мастерство человека, интеграцию производства, силу коллективного труда и даже... мировой рынок¹⁴. И все это – на том основании, что К. Маркс в разных случаях отражал перечисленные факторы как существенные моменты, воздействующие на процесс труда и его производительность.

Однако у К. Маркса эти факторы выступают не однопорядковыми элементами производительных сил, а *формами их организации*, формами совместной трудовой деятельности людей. «Развитие науки, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает развитие производительных сил человека»¹⁵, – отмечает он. Наряду с другими факторами данная форма оказывает существенное влияние на производительность общественного труда: «Развитие производительной силы труда... может отчасти зависеть от успехов в области интеллектуального производства, именно от успехов естественных наук и их применения...»¹⁶

Но откуда, однако, берет свое начало утверждение, будто К. Маркс называл науку «непосредственной производительной силой»? О каком его высказывании идет речь и каков истинный смысл данного высказывания, ставшего поводом для многочислен-

¹⁴ Научно-техническая революция и социализм. – С. 97–98; Процесс превращения... – С. 33–34, 56–58 и далее.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. II. – С. 33.

¹⁶ Там же. – Т. 25. – Ч. I. – С. 93; Т. 23. – С. 48, 618–619.

ных схоластических построений? «Природа не строит ни машин, ни локомотивов, ни железных дорог, ни электрического телеграфа, ни сельфакторов и т. д., – пишет в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» К. Маркс. – Все это – продукты человеческого труда, природный материал, превращенный в органы человеческой воли, властвующей над природой, или человеческой деятельности в природе. Все это – созданные человеческой рукой органы человеческого мозга, овеществленная сила знания. Развитие основного капитала является показателем того, до какой степени всеобщее общественное знание... превратилось в непосредственную производительную силу, и отсюда – показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса»¹⁷.

Прежде всего представляется, что «всеобщее общественное знание» – это не абсолютный аналог «науки», не ее синоним. Но и приняв его за полноценную «науку», нельзя трактовать данное положение однозначно, прямолинейно. Сочетание «в непосредственную производительную силу» можно «прочитать» в значении «непосредственно в производительную силу», что принципиально меняет смысл, свидетельствуя лишь о том, что теперь наука используется не только в духовной сфере, но также и в производственной. Но такое прочтение не вызывает необходимости построения сложных теорий, «доказывающих» превращение науки в НПС.

О том, что перевод данной фразы может звучать именно в таком (втором) значении, свидетельствует и следующая любопытная деталь. Один из философов ФРГ, подвергая анализу взаимосвязь науки и техники в XIX в. и исключительно точно передавая основные положения К. Маркса по этому вопросу, между прочим, замечает: «Сама наука, как это формулируют ученые ГДР, становится непосредственной производительной силой»¹⁸. То есть автор, читавший труды К. Маркса не в переводе, а на общем для них родном языке, ссылается в вопросе о превращении науки в НПС не на самого Маркса, а... на ученых ГДР, то есть на ту же «советскую» философскую школу...

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 46. – Ч. II. – С. 215.

¹⁸ Философия техники в ФРГ. – М., 1989. – С. 248.

Насколько «общественное знание» остается не самодовлеющим богатством, а реализуется в общественной производственной практике, как удалось превратить его в практическую производительную силу путем *овеществления* в средствах производства (машинах, локомотивах, железных дорогах, электрическом телеграфе, сельфакторах и т. д.), какова степень использования знания, насколько жизненный процесс подчинен человеческому интеллекту, управляем им – все это, согласно К. Марксу, можно увидеть в развитии основного капитала. Речь здесь идет не о «превращениях» науки, а об эксплуататорской сущности капитала в отношении науки. Чем более развит капитализм, тем больше наука и всеобщее общественное знание (интеллектуальное достояние общества) направляются в сферу производства прибыли. «В XVIII столетии прогресс в области математики, механики, химии и открытия в Англии, Франции, Швеции и Германии происходили почти равномерно. Точно также и *изобретения*, например во Франции. Но капиталистическое применение их в то время имело место лишь в Англии, так как только здесь экономические отношения были настолько развиты, что сделали возможным эксплуатацию научного прогресса капиталом»¹⁹. Капитал проявляет тенденцию к практической, абсолютной утилизации духовного, ставя науку на службу непосредственному производству. «Капиталистический способ производства первым ставит естественные науки на службу непосредственному процессу производства»²⁰. То есть, заметим, не превращает их в «непосредственную» производительную силу, а использует непосредственно в производственном процессе, а уж в каком виде – непосредственном или опосредованном, – об этом речь не идет.

Характерно, что ни в одной из последующих работ К. Маркс применительно к науке никогда больше не употребляет понятие «непосредственная производительная сила». Зато им многократно повторяются высказывания, раскрывающие роль науки как важнейшего **фактора** производства, что далеко не одно и то же, но что, к сожалению, используется в литературе как синоним и «подтверждение» ее превращения в НПС²¹. Наука, нашедшая применение

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 47. – Ч. II. – С. 553.

²⁰ Там же.

²¹ См., например: Процесс превращения... – С. 116; Предисловие / Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. – Т. 47. – Ч. II. – С. 554.

в производстве, «становится фактором, так сказать, функцией процесса производства»²², – подчеркивает К. Маркс. Но фактором она становится через ее *опосредование*, что естественно и логично; превратиться же в «непосредственное» через опосредование – нонсенс, противоречие...

Существует мнение, будто в последующих работах, в частности в рукописях 1861–1863 гг. «К критике политической экономии» в разделе «Машины. Применение природных сил и науки», К. Марксом конкретизируется положение о превращении науки в непосредственную производительную силу. Но из его новых рассуждений как раз и становится ясно, какой смысл вкладывается им в понятие «непосредственный» применительно к производству и науке. «Капитал не создает науки, – пишет Маркс, – но эксплуатирует ее, присваивает ее для нужд процесса производства. Тем самым одновременно происходит *отделение науки как науки, примененной к производству, от непосредственного труда*, в то время как на прежних ступенях производства ограниченный объем знаний и опыта был непосредственно связан с самим трудом, не развивался в качестве отделенной от него самостоятельной силы...»²³

Из данного фрагмента видно, что «непосредственный» характер науки выражается в том, что она отделяется от труда рабочего, превращается в «органически» не связанный с ним фактор. Но если это происходит, то возникает вопрос о «персонификации» науки в производстве, способе ее практической материализации, ведь деталь обрабатывается не самой мыслью... Что же это за сила? Не прибегая ни к каким аллегориям, К. Маркс дает однозначный ответ: техника. «...Именно проистекающий непосредственно из науки анализ и применение механических и химических законов делают *машину* (выделено мною. – А. Г.) способной выполнять ту же самую работу, которую раньше выполняли рабочие... То, что было деятельностью живого рабочего, становится деятельностью машины»²⁴. В другом месте: «В качестве машины средство труда приобретает такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпири-

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 47. – Ч. II. – С. 554; Т. 23. – С. 638; Т. 46. – Ч. II. – С. 206, 208 и др.

²³ Там же. – Т. 47. – Ч. II. – С. 554.

²⁴ Там же. – Т. 46. – Ч. II. – С. 212.

ческих рутинных приемов – сознательным применением естествознания»²⁵.

Следует отметить, что отдельные попытки раскрытия истинного смысла Марксовых высказываний предпринимались в отечественной литературе и в рассматриваемый период. Однако они не доводились до конца, не приводили к опровержению ложно понимаемого постулата. В одной из монографий справедливо указывалось, что все аргументы, приводимые ведущими специалистами (А. А. Зворыкиным, В. Г. Мараховым, И. А. Майзелем, Ю. С. Мелешенко и многими другими), в пользу обоснования тезиса о превращении науки в НПС, просто лишь подчеркивают мысль о том, что наука играет все большую роль в производственном процессе, что без нее современное производство немыслимо. Но в этих аргументах не раскрывается «ни содержания, ни сути процесса превращения науки в непосредственную производительную силу»²⁶. Раскрыть это содержание не удалось, отмечают авторы, и специально организованному Институту истории естествознания и техники АН СССР научному симпозиуму. Тем не менее отказываться от положения о превращении науки в НПС, по их мнению, не следует – надо найти только более убедительные аргументы в его пользу.

Если наука «используется в машинном производстве при помощи машин и технологических процессов», отмечают авторы, она выступает не «непосредственной», а обычной «производительной силой», поскольку «требует “живых придатков” – рабочих, ...не отделена от непосредственного труда...»²⁷. Другое дело – автоматизированное производство, здесь никакой «живой» рабочей силы в технологическом процессе нет. Это и следует понимать как превращение науки в НПС.

Однако и этот «новый» аргумент не несет в себе ничего нового – как и прежде, наука становится «непосредственной» *посредством* материальных носителей. Только теперь это уже не механический, а автоматизированный, но все равно... станок.

Замена механики автоматикой привела отдельных исследователей к парадоксальным выводам относительно духовной составляющей производственного процесса: до тех пор, пока человек выполняет логические операции, он – духовная производительная си-

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 23. – Ч. II. – С. 397.

²⁶ Современная научно-техническая революция... – М., 1970. – С. 160.

²⁷ Там же. – С. 163–164.

ла, с появлением же технических устройств, «интеллектуальных органов» машин, они «непосредственно выполняют логические и другие функции, исполняют за человека физическую и умственную работу. Тем самым, – делается вывод, – наука становится главным агентом непосредственного производственного процесса, его единственной (?) духовной (?) производительной силой...»²⁸.

Это заключение представляется в корне неверным, вводящим в заблуждение, к тому же содержащим явное противоречие: если раньше духовной производительной силой называли человека на том основании, что **он** выполнял логические и умственные операции, то почему теперь, когда *эту* работу выполняют технические устройства, объявляют носителем духовного не **их**, а нечто третье?.. «Агент» духовного («наука») предстает здесь в обезличенном, оторванном и от человека, и от техники виде, попросту деперсонализируется. Далее. Если духовность связывается лишь с логическими операциями, осуществлявшимися прежде рабочим, то сводится она к простой исполнительской деятельности. Но производство – это не только исполнительная деятельность, это сложное интеллектуально-предметное отношение, специфически реализующееся на каждом историческом этапе развития техники. Правомерно ли вообще, характеризуя действия автоматизированных технических систем, проводить связь между логическим и духовным? Как бы «умно» ни «рассуждали» машины, они остаются в разряде вещных элементов. Очевидно, что это особая, *бездуховная* логичность. «В машине субъективная связь живых действующих человеческих тел представлена (поставлена перед человеком как субъектом) как взаимодействие на основе научного знания системы *обездушенных* (курсив мой. – А. Г.) механизмов (отчужденной человеческой субъективности)», – отмечает П. Д. Тищенко²⁹.

Сходство искусственного и естественного интеллектов чисто «техническое», а не сущностное, а сам «дух» машин – это снятый человеческий дух. И если физическим носителем логического в автоматизированном производстве выступает реально существующая, функционирующая техника, то духовным – не «наука-абстракция», не наука «вообще», а также реально существующий, обеспечивающий «логику» технического действия *субъект науки* –

²⁸ Процесс превращения... – С. 41.

²⁹ Тищенко П. Д. Человек-машина: перечитывая Карла Маркса // Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека / под ред. Г. Л. Белкиной. – М., 2012. – С. 401.

обогащенный теоретическими знаниями и материализовавший их в артефакте человек.

Изменение структуры производительных сил в гибком автоматизированном производстве происходит в таком направлении, что духовное в его «видимой» стороне исключается из технологического процесса, но при этом присутствует в нем в снятом виде, к тому же «в режиме реального времени».

Любая производительная сила (в том числе и «непосредственная») – это *целесообразные* и *целенаправленные* действия, то есть действия субъектно-деятельностные. Они остаются таковыми независимо от качества и количества опосредующих звеньев, отделяющих субъект деятельности от его предмета. Безлюдный технический комплекс – опосредующее звено деятельности, реализующее механическое *действие*; целесообразность его – снятая трудовая функция субъекта деятельности, в то время как его «механика», несмотря на ее обусловленность наукой, остается в ряду бездуховных, материальных явлений. В противном случае грань между идеальным и материальным устраняется. Нельзя говорить об идеальности *материализованной* науки, а следовательно, выдвигать ее в качестве репрезентанта «духовности» безлюдного производства.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что с наукой ли, без науки, с живой рабочей силой или без нее – производство не может не включать в себя духовного; оно одухотворено, поскольку является социализированным, деятельным.

«Непосредственность» науки в производстве, как она представляется сторонникам соответствующей теории, предполагает непосредственность ее *исполнительной* функции. Но идеальное не может производить материальное. Вне процесса материализации идея может только породить другую идею. Материализованная же идея воздействует на объект не как непосредственно идеальное, а как материальное. «Идеальное не существует за пределами человеческого сознания, деятельной способности социального индивида. Идеальное связано лишь с процессами опредмечивания и распредмечивания, выступает в этих процессах как выражение существенного свойства субъекта-деятеля, его активности и его существенных сил вообще, а не как свойство объективно реального предмета, – пишет Д. И. Дубровский. – Точка зрения, согласно которой идеальное присуще и субъекту и объекту, и деятельности и ее результату, и опредмечиванию и опредмеченности, обусловле-

на чрезмерной релятивизацией связи материального и идеального, что ведет к устранению принципиальной логической грани между данными категориями, к абстрактному отождествлению возможности и действительности идеального. Но тем самым затемняется подлинная диалектика взаимопереходов материального и идеального»³⁰. Образно аналогичную мысль в свое время высказал П. В. Копнин: «Если бы мышление не только отражало объект, но и само обладало свойствами отражаемого объекта, оно посредством самого мышления могло бы создавать вещи»³¹.

Технологически непосредственной производительной силой может быть лишь материальная сила. При наличии совокупного лично-вещного производственного механизма она включает в себя наряду с орудийным (вещественным) «живой» (духовный) компонент – человека, которые вместе в нерасчлененном виде *непосредственно* производят продукт. С разложением данного механизма, с выходом из него живой рабочей силы, наука не только не обретает, а напротив, утрачивает «непосредственный» характер, поскольку теряет одну из двух ранее присущих ей форм «представительства» в технологическом цикле – непосредственное включение в него субъекта, носителя знания – работника-исполнителя. Единственным способом «технологического» представления науки теперь остается овеществление – знание реализуется в механике орудийного действия.

Обеспечивающая функционирование монотехнической производственной системы наука становится решающим *фактором* производства. Это не требует выполнения ею исполнительных функций, а означает целенаправленное использование теоретических знаний в производственной сфере, в том числе и в самом технологическом процессе. Наука становится *непосредственным фактором* производства, опосредуясь исполнительными механизмами ГАП и предпроизводственной личностной деятельностью, то есть *опосредованной* производительной силой.

Научно-исследовательские разработки все больше сосредотачиваются на создании высокоэффективных образцов машин, оборудования, передовых технологий, позволяющих существенно по-

³⁰ Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – М.: Канон+, 2002. – С. 211.

³¹ Копнин П. В. Диалектика, логика, наука. – М., 1973. – С. 162.

высить производительность труда, экономить материальные, энергетические и трудовые ресурсы.

Реконструкция и техническое перевооружение предприятий, необходимость поддержания роста объемов производства, оперативное удовлетворение требований рынка, достижение высокого качества продукции требуют постоянного совершенствования технологии, обновления и модернизации оборудования, использования более прогрессивных форм организации производства и управления. Все это вызывает необходимость тесной связи производства с наукой, опоры производства на науку – выбор наиболее оптимальных вариантов решения технико-технологических и экономических проблем должен быть научно обоснован.

Что касается гибкого автоматизированного производства, то его построение без обширных предварительных научно-исследовательских работ попросту неосуществимо. В основе ГАП лежат совершенно новые технические и организационные принципы – данный тип технологического освоения сопряжен с выходом человека из непосредственного производственного процесса, а стало быть, с необходимостью создания адекватных функциональных средств. Наряду с технологическими орудиями, заменяющими физические функции человека, создаются многообразные системы автоматизированного проектирования, управления, технологической подготовки производства, берущие на себя значительную часть человеческой умственной деятельности.

В современном машиностроении используется более 4 тысяч технологий³², и каждая из них требует своей технологической системы автоматизированного проектирования. Их создание возлагается на науку. «...Дело сейчас за учеными, они должны дать методологию создания гибких систем, создать новые методы технологической подготовки, математическое обеспечение ГПС»³³. Разработка целостной системы принципов построения ГАП, его теории остаются одной из актуальных задач современной технической науки.

Таким образом, превращение науки в «непосредственную производительную силу» (если кто-то настаивает на таком определении) может и должно означать только лишь направленность ее на

---

³² Белянин П. Н. На пути к заводам-автоматам. – М., 1986. – С. 64.

³³ Евгеньев А. М. На пути к гибким системам // Хозяйствовать умело и эффективно. – М., 1985. – С. 45.

нужды производства, ее производственно-целевой характер в отличие от прежнего (обособленного от производства) развития – и ничего больше. При этом, разумеется, речь идет не о *всей* науке, а лишь о той ее части, что работает на производство и технику. Все остальные замысловатые, тяжеловесные конструкции, при всем уважении к их авторам, умозрительны. Утилизация науки, стремление превратить ее целиком (и фундаментальную, и гуманитарную, и вообще – любую) в непосредственную производительную силу в конечном счете направлено против науки как духовной ипостаси человеческой деятельности; что же до гуманитарной науки, то ее низведение к потребительскому назначению противоречит самому принципу духовности, возвышенности.

Уже в Древней Греции наука не сводилась к удовлетворению только лишь практических, производственных нужд. В представлении греческих философов и ученых она «была синонимом бескорыстного искания истины, времяпрепровождением свободных людей, не претендовавшим ни на какую практическую пользу и имевшим своей целью исключительно удовлетворение собственной любознательности»³⁴.

Наука становится наукой тогда, когда она не ограничивается ролью вспомогательного для производства средства, а возвышается над потребительскими потребностями, обретая свои собственные, а не производственные цели и задачи. Лишь та наука является «в большей мере» мудрой, «которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы»³⁵, – отмечал Аристотель. Как человека можно назвать свободным лишь тогда, когда он цель самого себя, точно так же и наука, считает философ, является «единственно свободной», когда она «существует ради самой себя»³⁶.

Примеры подобного видения науки мы находим и в наше время. Известный английский ученый и писатель Ч. Сноу, вспоминая о своей работе в Кембридже в 20–30-х гг. XX столетия, отмечал: «Больше всего мы гордились тем, что наша научная деятельность ни при каких мыслимых обстоятельствах не может иметь практи-

---

³⁴ Рожанский И. Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. – М., 1988. – С. 293–294.

³⁵ Аристотель. Метафизика 1.2.10.

³⁶ Там же. – 1.2.25.

ческого смысла. Чем громче это удавалось провозгласить, тем величественнее мы держались»³⁷.

Установка, в соответствии с которой следует добиваться, чтобы любое знание непременно работало на производство, представляется в корне неверной. Она сужает «жизненное пространство» науки, ограничивает сферу ее применения, лишает ее «саморазвития». Ученый, работая над проблемой, в большинстве случаев не помышляет о производстве, если его исследование не нацелено на решение соответствующей задачи. Следовательно, и результат его изысканий вовсе не должен непременно (!) превращаться в «непосредственную производительную силу»³⁸.

В стремлении возвысить социальный статус науки исследователи сузили его, ограничив пределы ее использования исключительно сферой производства. Ни наука вообще, ни тем более гуманитарная наука, утилизация которой духовно обедняет ее, превращая в средство удовлетворения меркантильно-потребительских запросов, не умещаются в прокрустово ложе производства. Производство и не требует этого. Постулируемая «превращаемость» – это низведение фундаментального к прикладному, духовного – к материальному.

Тезис о науке как «непосредственной» производительной силе искажает ее действительную роль, приводит к спекулятивным, схоластическим построениям, отказ от него необходим для более правильного, более выверенного понимания места и роли основополагающих факторов производительных сил, определения тенденций их изменения и развития.

---

³⁷ Сноу Ч. П. Две культуры и научная революция [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.ru/upload/1160489709_file.htm

³⁸ «Если отвергать усилия, направленные на познание без определенной цели, ссылаясь на отсутствие пользы, – пишет Ф. Рапп, – то мы должны были бы логически последовательно проверить непосредственную полезность также и всех других технически неосуществимых дисциплин, как, например, умозрительные науки, исторические науки или все формы художественного творчества и изображения. Абсурдность такого тезиса очевидна. Он сводился бы к тому, что элементарные (биологические) потребности установлены раз и навсегда и все формы надличностной творческой и культурной деятельности должны быть ограничены» (Рапп Ф. Техника и естествознание // Философия техники в ФРГ. – М., 1989. – С. 281–282).